

Научная статья
УДК 342
doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-69-73

Виталий Евгеньевич Мушаков

адъюнкт

<https://orcid.org/0000-0002-0983-6985>, mushakov.2018@mail.ru

*Омская академия МВД России
Российская Федерация, 644092, Омск, ул. Комарова, д. 7*

Конституционные права человека в контексте проблемы преодоления цифрового разрыва

Аннотация: В современном обществе полноценная коммуникация граждан коррелирует с возможностями доступа к информации и владением навыками обращения с multifunctional гаджетами и сетью интернет. Неравномерное распространение информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), которое прослеживается при сравнении технологического развития как между государствами, так и внутри отдельных стран, порождает проблему так называемого «цифрового разрыва» или «цифрового неравенства» (в зарубежной литературе более известного как «digital divide»). В условиях постепенной цифровизации общественных отношений, традиционно регулируемых правовыми нормами, существующая проблема усугубляется тем обстоятельством, что отсутствие у граждан доступа к ИКТ ограничивает их реальные возможности в реализации конституционных прав. Следовательно, преодоление цифрового разрыва выступает современным условием обеспечения правового статуса личности. Цель данной статьи состоит в исследовании влияния проблемы цифрового разрыва на конституционные права человека. В процессе исследования автор обращался к таким методам, как анализ, синтез, индукция, дедукция, статистический и формально-юридические методы. В результате автором сделаны выводы о наличии экономических, возрастных, гендерных, образовательных причин, не позволяющих преодолеть цифровой разрыв. От их искоренения зависит состояние конституционного правопорядка в Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровой разрыв, цифровое неравенство, информационно-коммуникационные технологии, Конституция Российской Федерации, права человека, конституционно-правовое измерение

Для цитирования: Мушаков В. Е. Конституционные права человека в контексте проблемы преодоления цифрового разрыва // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 69–73; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-69-73.

Vitaliy E. Mushakov

Graduate

<https://orcid.org/0000-0002-0983-6985>, mushakov.2018@mail.ru

*Omsk Academy of the MIA of Russia
7, Komarova str., Omsk, 644092, Russia Federation*

Constitutional human rights in the context of bridging the digital divide

Abstract: In modern society, the full-fledged communication of citizens correlates with the ability to access information and skills to handle multifunctional gadgets and the Internet. The uneven spread of information and communication technologies (hereinafter - ICT), which can be traced when comparing technological development, both between states and within individual countries, gives rise to the problem of the so-called «digital inequality» (in foreign literature more commonly known as «digital divide»). With the gradual digitalization of social relations, traditionally regulated by legal norms, the problem is exacerbated by the fact that citizens' lack of access to ICT limits their real opportunities to exercise their constitutional rights. Consequently, overcoming the digital divide is a modern condition for ensuring the legal status of the individual. The purpose of this article is to investigate the impact of the digital divide on constitutional human rights. In the process of research, the author applied such methods as analysis, synthesis, induction, deduction, statistical and formal-legal methods. As a result, the author made conclusions about the presence of economic, age, gender, educational reasons that do not allow to overcome the digital divide. The state of constitutional law and order in the Russian Federation depends on their eradication.

Keywords: digital divide, digital inequality, information and communication technologies, the Constitution of the Russian Federation, human rights, constitutional and legal dimension

For citation: Mushakov V. E. Constitutional human rights in the context of bridging the digital divide // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – P. 69–73; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-69-73.

Цифровой разрыв как одно из негативных последствий информационной эпохи, в которой в настоящее время пребывает общество, приводит к цифровому неравенству. Последнее выступает разновидностью социального неравенства (наряду с его традиционными формами: экономической, расовой, гендерной и др.) и состоит в ограничении возможностей отдельных индивидов, социальных групп вследствие отсутствия у них доступа к современным средствам коммуникации. Лица, лишённые доступа к интернету, информационно ограничены и ущемлены в современных финансово-кредитных, образовательных, культурных, демократических и некоторых других возможностях.

Проблема цифрового разрыва не нова, так как в последней трети XX в. она, с той или иной степенью завуалированности, обсуждалась теоретиками информационного общества. В 1980-х гг. Г. Шиллер настаивал на том, что основным фактором, влияющим на распространение информации, доступ к ней и право её создавать является классовое неравенство [1, с. 196–201]. Учитывая, что Г. Шиллер являлся марксистом, причины неравенства в информационном обществе он объяснял различиями в платежеспособности его членов. Чем выше социальный статус человека, тем ценнее и разнообразнее информация, к которой он получает доступ. Поэтому американский учёный был убеждён, что выигрыш или проигрыш от «информационной революции» зависит от того, какое место в социальной иерархии занимает человек.

Автор теории информационного капитализма в сетевом обществе М. Кастельс в 1990-х гг. полагал, что новое общество стратифицируется на работников, ориентированных на сети и экспертный «информационный труд», и на «работников общего типа», отсталых и не приспособленных к переменам информационного общества [2, с. 254–255]. Фактически это попытка описания проблемы цифрового разрыва между группами (в данном случае – стратами) общества, рассмотренная с позиции трудовой дифференциации.

Уже в начале настоящего столетия на международном уровне преодоление цифрового разрыва было заявлено в качестве одной из приоритетных целей консолидации международных усилий. Еще в 2003 г. в рамках Всемирной встречи на высшем уровне Всемирного саммита по информационному обществу, проведённой в Женеве под эгидой ООН, была принята Декларация принципов построения информационного общества¹, где сказано: «Сегодня преимущества революции в области информационных технологий неравномерно распределены между развитыми и развивающимися странами, а также внутри стран» (п. 10) и «Мы убеждены в том, что согласованная на мировом уровне цель заключается в содействии преодолению разрыва в цифровых технологиях» (п. 61).

В 2005 г. в г. Тунис на втором этапе аналогичной встречи принята Тунисская программа для информационного общества². В ней обозначено, что «масштаб проблемы, связанной с преодолением “циф-

рового разрыва” требует адекватных и устойчивых инвестиций в инфраструктуру ИКТ и услуги на базе ИКТ, а также создания потенциала и передачи технологии в течение многих предстоящих лет» (п. 8).

В таком виде в начале XX в. на международном уровне была признана проблема цифрового разрыва. Сегодня, чтобы убедиться в её нерешённости, достаточно обратиться к отчёту Международного союза электросвязи ООН «Измерение цифрового развития: факты и цифры 2021»³, где сказано, что 37 % населения земного шара (2,9 миллиарда человек) до сих пор никогда не пользовались интернетом.

Цифровой разрыв – это проблема мирового, континентального и внутригосударственного масштаба. В рейтинге готовности стран к сетевому обществу (Networked Readiness Index – NRI), который ежегодно рассчитывается международной организацией «Всемирный экономический форум» совместно с Международной школой бизнеса «INSEAD», по итогам 2021 г. Российская Федерация заняла 43-е место из 130 возможных⁴. Данный показатель, отражающий уровень государственной готовности к повсеместному использованию ИКТ для целей социально-экономического развития, относит Россию к числу стран, отстающих от государств-лидеров с развитым сетевым обществом. Исходя из оценки статистических показателей, российское общество сталкивается с цифровым неравенством. Более того, территориальные диспропорции в развитии ИКТ, а также низкая цифровая грамотность граждан преимущественно старшего и пожилого возраста, подтверждают выводы об актуальности проблемы цифрового разрыва для Российской Федерации.

Рассматриваемая проблема широко обсуждается как зарубежными, так и российскими учёными. Однако преимущественно к ней приковано внимание экономистов, социологов и политологов [3; 4; 5; 6]. Проблема же влияния цифрового разрыва на состояние прав человека находится лишь на начальной стадии исследования учёными-юристами. На первый взгляд, с юридической точки зрения очевидно, что факт неравенства в доступе к ИКТ относится к предмету нормативно-правового регулирования информационных отношений, которые, как мы знаем, опережают конституционно-правовую науку, поэтому в данной сфере сохраняется тенденция к ослабеванию конституционного влияния. В то же время конституционное право на уровне основных начал, принципиальных положений регулирует информационные отношения (например, ч. 4 и 5 ст. 29, п. «и», «м» ст. 71 Конституции РФ), а значит, и цифровой разрыв как феномен указанных отношений.

Однако реальной точкой соприкосновения конституционного права и цифрового разрыва, вводящей данный феномен в конституционно-правовое измерение, является институт прав человека. Дело в том, что по мере цифровизации общества всё нагляднее прослеживается корреляция между доступом граждан к информационным технологиям и полноценной реализацией ими своих конституционных прав. Как представляется, именно эта зависи-

¹ Декларация принципов построения информационного общества (WSIS-03/Geneva/doc/4-R) от 12 декабря 2003 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsisis.pdf (дата обращения: 15.12.2021).

² Тунисская программа для информационного общества (WSIS-05/Tunis/doc/6 (Rev.1)-R) от 15 ноября 2005 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/agenda_wsisis.pdf (дата обращения: 16.12.2021).

³ Measuring digital development: Facts and figures 2021 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Международного союза электросвязи (МСЭ). – Режим доступа: <https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/facts-figures-2021/> (дата обращения: 22.12.2021).

⁴ The Network Readiness Index (Shaping the Global Recovery. How digital technologies can make the post-COVID world more equal). 2021. S. 36–39 [Электронный ресурс] // Сайт «Индекс готовности Сети». – Режим доступа: <https://networkreadinessindex.org/> (дата обращения: 24.12.2021).

мость придает проблеме цифрового разрыва конституционный характер.

Даже отталкиваясь от понимания сущности самого «разрыва», применительно к цифровизации означая лишение определённых социальных групп доступа к средствам коммуникации, становится ясно, что исследуемая проблема затрагивает вопросы правового статуса личности, регламентируемые гл. 2 Конституции РФ. Поэтому определение конституционно-правового измерения феномена цифрового разрыва возможно при расширительном толковании Конституции РФ, приводящем её положения в соответствие с реалиями распространения ИКТ. В ч. 2 ст. 19 Основного закона закреплено принципиальное положение: «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств». Следует иметь в виду, что, во-первых, в современных условиях конституционно-правовое равноправие возможно только при равном доступе граждан к ИКТ. Именно с этой позиции необходимо подходить к оценке соблюдения принципа равенства в реализации того или иного конституционного права личности. Для иллюстрации сказанного приведем ряд примеров. Так, каждый, в равной мере может реализовать конституционное право на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ), что сегодня возможно лишь при использовании сети интернет, телевидения и сотовой связи. Отсюда равенство граждан в реализации конституционного права на информацию достижимо путём преодоления или, хотя бы, сведения к минимуму «цифрового разрыва».

Мы можем исходить из равенства прав граждан обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ) только при условии обеспечения им доступа к сети интернет. А. В. Савоськин отмечает, что в ч. 3 ст. 8 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» указание на обязательность рассмотрения обращений граждан, поступивших по информационным системам общего пользования, приравнивает электронный способ обращения к традиционному⁵. Также А. В. Савоськин указывает на три существующих способа подачи электронных обращений: по электронной почте, через электронную приемную официального сайта адресата в сети интернет и посредством специализированных государственных интернет-порталов⁶. В ситуации цифрового разрыва отсутствие возможности граждан прибегнуть к любому из вышеуказанных способов фактически ограничивает их в удобстве и упрощённости процедуры реализации конституционного права на обращение.

Во-вторых, открытый перечень обстоятельств, указанных в ч. 2 ст. 19 Конституции РФ, логически позволяет включить в него признак: «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от возможностей доступа к современным средствам коммуникации». Фактически,

он и отражает сущность проблемы «разрыва», состоящей в дискриминации граждан на тех, кто может быть участником цифровых коммуникаций и тех, кто лишён такой возможности. На этом основании С. Т. Артемова, Н. А. Жильцов и О. И. Чердаков цифровой разрыв признают современной формой дискриминации и утверждают, что «если в индустриальном и постиндустриальном обществах социальное неравенство ассоциировалось с делением общества на богатых и бедных, то цифровая эпоха добавила еще и цифровой разрыв» [7, с. 42].

В российском избирательном процессе уже имеются реальные примеры законодательного гарантирования активного избирательного права вне зависимости от возможностей доступа к ИКТ. Та ситуация, когда граждане самостоятельно определяют, проголосовать традиционным способом на избирательном участке или прибегнуть к дистанционному электронному голосованию через интернет, является тому подтверждением.

Таким образом, конституционно-правовое измерение цифрового разрыва обнаруживается при раскрытии двух аспектов – запрета неравноправия и недопустимости дискриминации. С этой позиции норма ч. 2 ст. 19 Конституции РФ выступает конституционно-правовой основой для преодоления цифрового разрыва.

Для понимания причин, по которым цифровой разрыв влияет на содержание и особенности реализации конституционных прав человека, необходимо рассмотреть уровни и виды проблемного феномена. А. С. Агеев выделяет три уровня цифрового разрыва, на которых и проявляется неравноправие: 1) неравенство в возможности доступа к интернету; 2) неравенство в возможностях лиц, использующих интернет, при доступе к размещенным там информационным ресурсам; 3) неравенство в возможностях лиц, являющихся пользователями интернета, и тех, кто его не использует [8, с. 24]. В нашем понимании, в отличие от второго и третьего уровней, где предельно внутренние сетевые возможности, первый уровень цифрового разрыва, напротив, связан с сетевыми обстоятельствами. Неравенство в возможностях доступа к интернету и использования его преимуществ может быть следствием экономических, инфраструктурных, возрастных проблем, уровня образованности и даже гендерной принадлежности. Следовательно, для более полного освещения конституционно-правовых аспектов цифрового разрыва целесообразно выделить следующие виды данного феномена: экономический, территориальный, возрастной (поколенческий), образовательный и гендерный.

В современном мире экономически благополучные государства, как правило, имеют высокий уровень развития ИКТ. Это связано в том числе и с тем неопровержимым фактом, что гражданам для доступа к информационной сети необходимы финансовые возможности на приобретение технических устройств (как минимум, современного мобильного телефона или персонального компьютера) и внесения интернет-провайдеру платы за услуги связи. Кроме того, в условиях экономической конкуренции на рынке гаджетов обеспечивается их стоимость, адекватная доходам граждан.

Предоставление со стороны государства или частных компаний отдельных пространств с бесплатным Wi-Fi не сможет удовлетворить повседневных сетевых потребностей граждан. Обеспечение же бесплатного подключения к интернету на всей территории государства потребовало бы государственного финансирования из средств федерального

⁵ Савоськин А. В. Обращения граждан в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : дис. ... д-ра юридических наук : 12.00.02 / Савоськин Александр Владимирович; [Место защиты: Ур. гос. юрид. ун-т]. – Екатеринбург, 2019. – С. 344–345.

⁶ Там же. – С. 348.

бюджета для покрытия расходов операторов связи, а потому является слишком дорогостоящим способом интернетизации населения.

Территориальный цифровой разрыв связан с инфраструктурным несовершенством технически отсталых местностей. На примере Российской Федерации это видно при сравнении интернетизации городских агломераций и сельской местности. В городской среде выше скорость передачи данных и больше инфраструктурных возможностей для пользования цифровыми сервисами (развиты электронная коммерция, получение государственных услуг через интернет и др.).

Возрастная (поколенческая) разновидность цифрового разрыва является феноменом, при котором между поколениями молодых лиц и лицами старшего, особенно пожилого возраста имеется существенная разница в уровне овладения современными цифровыми технологиями и, что не менее важно, частоте их повседневного применения. Слабая изученность, чуждость виртуального мира, а также киберпреступность и иные общеизвестные опасности приводят к тому, что у старшего поколения отсутствует доверие к ИКТ. Учитывая, что, как мы уже отметили ранее, ИКТ – это неперемное условие полноценной реализации конституционных прав, в конечном итоге лица пожилого возраста ограничены в своих конституционных возможностях.

Принимая во внимание высказанное соображение, добавим, что в настоящее время возрастной (поколенческий) цифровой разрыв служит препятствием для распространения такого способа реализации активного избирательного права, как дистанционное электронное голосование, уже не первый год апробируемого на российских выборах. Конечно, с одной стороны, по понятной естественной причине уменьшается число избирателей старшего поколения (особенно в условиях осложненной санитарно-эпидемиологической обстановки). С другой же стороны, так называемое поколение «Z», рожденное в XXI в. и в силу этого приобщенное к современным цифровым технологиям, с каждым годом пополняет число лиц, обладающих активным избирательным правом. В результате естественным образом обновляется список лиц, избирающих органы государственной власти и органы местного самоуправления. Однако полагаться на смену поколений как на определяющий фактор успеха внедрения дистанционного электронного голосования представляется ошибочным.

В зависимости от уровня образования, позволяющего в той или иной степени интегрироваться в цифровую среду, понять и использовать нормы и правила её функционирования, сформировался образовательный цифровой разрыв. Причём речь идёт не о наличии либо отсутствии у отдельных категорий граждан дипломов о высшем образовании по специальностям, связанным с IT-технологиями или программированием, а скорее о фактических цифровых компетенциях личности. Как отмечают Э. Бах, Г. Шаффер: «Образованность в использовании технологий позволяет людям участвовать в социальных и политических процессах» [9, с. 252]. Однако образовательный цифровой разрыв всё же проявляется в том, что современное общество разделяется на меньшинство – востребованные на рынке труда специалисты в сфере IT-технологий, а также примкнувшие к криминальному миру хакеры (киберпреступники), и большинство – граждане, владеющие лишь

базовыми навыками в цифровой среде, а потому являющиеся уязвимыми, например, в электронной коммерции, защите чести, доброго имени, а также обеспечении неприкосновенности частной жизни.

Гендерный цифровой разрыв связан с тем, что в целом в мире у мужчин и женщин неравные возможности доступа к интернету и его использования. По данным аналитиков Международного союза электросвязи ООН, гендерный цифровой разрыв характерен преимущественно для стран африканских и арабских государств, где в процентном соотношении заметно превалирует доля мужчин, пользующихся информационными сетями⁷. Дискриминация в доступе к цифровым продуктам по признаку половой принадлежности – это недопустимый феномен, противоречащий конституционному принципу равенства прав и свобод мужчин и женщин, а также возможностей их реализации (ч. 3 ст. 19 Конституции РФ). Несмотря на то, что гендерный критерий участия в цифровых коммуникациях не свойственен российскому обществу, сегодня мировая практика определяет его как основание для выделения в самостоятельный вид цифрового разрыва.

Потенциальным примером проявления сразу нескольких видов цифрового неравенства может служить функционирование портала «Государственные услуги», позволяющего гражданам осуществлять доступ к основным социальным услугам через интернет. Н. С. Бондарь верно подметил, что «доступность этого ресурса фактически может быть ограничена в силу финансовой невозможности приобрести необходимые технические устройства (экономическое неравенство), отсутствия доступа в сеть интернет в данной местности (территориальное неравенство), низкого уровня информационной грамотности старшего поколения (возрастное неравенство) и т.п.» [10, с. 37]. В результате часть граждан лишена доступа к необходимым государственным услугам.

Таким образом, необходимость преодоления феномена «digital divide», или цифрового разрыва, стала очевидной при неравномерном распространении ИКТ как между государствами, так и в отдельных регионах (территориях) одной страны. Цифровой разрыв закономерно привел к цифровому неравенству, которое заключается в ограничении возможностей отдельных социальных групп вследствие отсутствия у них доступа к современным средствам коммуникации. Цифровое неравенство определяется в качестве конституционно-правового неравенства и дискриминации граждан, ограниченных в возможностях использования ИКТ, и тем самым нарушает положения ч. 2 ст. 19 Конституции РФ. Разница в уровне экономического благосостояния, образованности, территориальных (инфраструктурных) особенностях, поколенческая и гендерная принадлежность, ставшие причиной цифрового неравенства, фактически ограничивают определённые группы граждан в реализации своих конституционных прав, поэтому от мировых и внутрисубъективных успехов в нивелировании причин цифрового разрыва зависит состояние правового статуса личности.

⁷ Преодоление гендерного разрыва [Электронный ресурс] // Официальный сайт Международного союза электросвязи (МСЭ). – Режим доступа: <https://www.itu.int/ru/mediacentre/backgrounders/Pages/bridging-the-gender-divide.aspx> (дата обращения: 12.01.2022).

Список литературы

1. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / пер. с англ. М. В. Арапова, Н. В. Малыхиной / под ред. Е. Л. Вартановой. – Москва: Аспект Пресс, 2004. – 398 с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. Б. Э. Верпаховского, А. Н. Субочева, Д. А. Тищенко. – Москва: ГУ ВШЭ, 2000. – 609 с.
3. Перфильева О. В. Проблема цифрового разрыва и международные инициативы по её преодолению // Вестник Международных организаций. – 2007. – № 2 (10). – С. 34–48.
4. Беляцкая Т. Н., Князькова В. С. Цифровой разрыв в современном информационном обществе // Экономическая наука сегодня. – 2019. – Вып. 10. – С. 209–217.
5. Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2019. – Т. 19. – № 1. – С. 108–120.
6. Бардин А. Л. Цифровые разрывы в современном мегаполисе: политическое измерение // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 6. – С. 73–88.
7. Артемова С. Т., Жильцов Н. А., Чердаков О. И. Цифровой разрыв и конституционные гарантии цифрового равенства // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 10. – С. 41–45.
8. Агеев А. С. «Digital divide» и элементы его архитектуры: к вопросу о правовых аспектах цифрового неравенства // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 10. – С. 23–26.
9. Bach A., Shaffer G. Digital Human Capital: Developing a Framework for Understanding the Economic Impact of Digital Exclusion in Low-Income Communities // Journal of Information Policy. – 2013. – Vol. 3. – Pp. 247–266. doi: 10.2202/1944-2866.1058.
10. Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. – 2019. – № 11. – С. 25–42.

References

1. Uebster F. Teorii informatsionnogo obshchestva / per. s angl. M. V. Arapova, N. V. Malykhinoini / pod red. E. L. Vartanovoi. – Moskva: Aspekt Press, 2004. – 398 s.
2. Kastel's M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura: per. s angl. B. E. Verpakhovskogo, A. N. Subocheva, D. A. Tishchenko. – Moskva: GU VShE, 2000. – 609 s.
3. Perfil'eva O. V. Problema tsifrovogo razryva i mezhdunarodnye initsiativy po ee preodoleniyu // Vestnik Mezhdunarodnykh organizatsii. – 2007. – № 2 (10). – S. 34–48.
4. Belyatskaya T. N., Knyaz'kova V. S. Tsifrovoy razryv v sovremennom informatsionnom obshchestve // Ekonomicheskaya nauka segodnya. – 2019. – Vyp. 10. – S. 209–217.
5. Dobrinskaya D. E., Martynenko T. S. Perspektivy rossiiskogo informatsionnogo obshchestva: urovni tsifrovogo razryva // Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya. – 2019. – T. 19. – № 1. – S. 108–120.
6. Bardin A. L. Tsifrovye razryvy v sovremennom megapolise: politicheskoe izmerenie // Polis. Politicheskie issledovaniya. – 2021. – № 6. – S. 73–88.
7. Artemova S. T., Zhil'tsov N. A., Cherdakov O. I. Tsifrovoy razryv i konstitutsionnye garantii tsifrovogo ravenstva // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. – 2020. – № 10. – S. 41–45.
8. Ageev A. S. «Digital divide» i elementy ego arkhitektury: k voprosu o pravovykh aspektakh tsifrovogo neravenstva // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. – 2021. – № 10. – S. 23–26.
9. Bach A., Shaffer G. Digital Human Capital: Developing a Framework for Understanding the Economic Impact of Digital Exclusion in Low-Income Communities // Journal of Information Policy. – 2013. – Vol. 3. – Pp. 247–266. doi: 10.2202/1944-2866.1058.
10. Bondar' N. S. Informatsionno-tsifrovoye prostranstvo v konstitutsionnom izmerenii: iz praktiki Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2019. – № 11. – S. 25–42.

Статья поступила в редакцию 06.02.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2022; принята к публикации 16.03.2022.

The article was submitted February 06, 2022; approved after reviewing March 01, 2022; accepted for publication March 16, 2022.